

Яхойя

Джексон Грегори

Джексон Грегори

Яхойя

«Автор»

2026

Грегори Д.

Яхойя / Д. Грегори — «Автор», 2026

Многие на фронтире слышали про семь великих городов, где индейцы хранят несметные богатства. Но правда ли, что там поселилась богиня, принявшая человеческое обличие? И зачем проводник отдал жизнь, чтобы открыть чужакам путь к сокровищам своего народа? Пустыня не любит раскрывать свои секреты, и Саксу Нортрапу придётся пройти нечеловеческие испытания суровой природы Американского запада, чтобы получить ответы. Но будет ли он готов к встрече с богиней? Забытая классика приключенческой литературы — впервые на русском языке. "Яхойя" Джексона Грегори — атмосферный приключенческий роман о тайной цивилизации, хрупкости власти и о любви, ставшей угрозой для целого народа.

© Грегори Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джексон Грегори

Яхойя

Глава 1

Мучительное ожидание — чего? Слепой ужас — перед чем? Ожидание тянулось бесконечно, потому что человек не знал, чего именно ему ждать; такой ужас был омерзительнее простого страха, потому что угроза гнездилась в неизвестности. Во всей вселенной теперь имело значение только это; обо всём остальном он забыл. Но что это было? Пустыня, в которой человек лежал — беспомощный и безнадежный, — перестала существовать. Он больше не видел ни раскалённого неба, ни огненного солнца, ни беспредельной гряды песка, ни кактусов, ни обжигающих скал. Он видел только глаза, впившиеся в него.

Они жутко глядели на него: два неподвижных, немигающих, неизмеримых, непроницаемых чёрных глаза, словно две чернильные бездны. Воспалённому воображению они представлялись свирепыми глазами дикаря, рождённого и выросшего в пустыне, наблюдающего за его смертью с любопытством, одновременно бесстрастным и странновато детским. В следующий миг ему казалось, будто глаза расширяются, наливаются, становятся огромными — глазами какого-то уродливого чудовища, в логово которого он, первый человек со времён сотворения мира, осмелился проникнуть. Ошеломлённый мозг Нортрапа остервенело силился вообразить огромное тело, которому должны были принадлежать эти глаза и которого он не видел.

Потом, когда забытье уже было готово набросить свой чёрный плащ на человека, отчаянно с ним боровшегося, глаза вдруг снова переменялись, начали уменьшаться. Уменьшаться и округляться, пока не стали злыми глазами главного проклятия пустыни — Сикацуа, жёлтой гремучей змеи. Он гадал, не правдива ли история, что змея может зачаровать человека и манить его ближе и ближе к своему раздвоенному языку? Он вытянул руки перед скрученным от боли телом и вонзил их в обжигающий песок, стараясь остановить порыв, который захлестнул его.

Он знал, что с хребтов иногда спускается серый волк; что здесь по следу чернохвостого оленя идёт пума; что тощий, злобный койот совсем не прочь терпеливо сидеть и смотреть, как медленно умирает кто-нибудь покрупнее его самого, ожидая. И мысли о койоте были для его истерзанного сознания не менее ужасны, чем всё прочее.

Весь день высокие лучи пустынного солнца безжалостно давили; весь день красно-чёрные лавовые камни, среди которых он лежал, жгли его тело; весь день летящий песок, подхваченный горячим порывом ветра, палил и резал его налитые кровью глаза. Упал он ещё на ранней заре. За долгие, тихие часы, окружённый угрозами пустыни, он не издал ни стога. Страдать молча было в натуре Нортрапа.

Но теперь неведомое смело последние остатки реальности; казалось, что оно подползает к нему со всех сторон из подлинного земного ада. Полубезумный от боли, частично в сознании, за которое он всё ещё цеплялся, он чувствовал себя так, словно уже вышел из прежней жизни и вступил в свирепую страну колдовства. Теперь он мог быть уверен лишь в одном — в дуэте неподвижных чёрных глаз, следивших за ним из расщелины в скалах наверху.

Час ли прошёл с тех пор, как он крикнул? Или уже пронеслись многие эоны с той минуты, как его голос, нарушивший необъятную тишину, сорвался и захлебнулся в гортани? Он не знал.

Он лишь знал, что закричал, решив, будто это глаза человека, такого же человеческого существа, как он сам, и молил о помощи. Он знал, что ответа не было, что глаза продолжали следить за ним с тем же неизменным любопытством. Он знал, что кричал и что давно уже смолк.

Однажды он с болью вытащил из кобуры автоматический пистолет, не вылетевший при падении; когда, ослеплённый гневом, он чуть приподнял его, два глаза исчезли. Когда оружие выпало из его ослабевшей руки, два глаза сразу вернулись и смотрели на него с той же проклятой неподвижностью.

В приступе полубреда ему вдруг пришла мысль, что это Стрэнг — Стрэнг, бросивший его в беспомощном положении, отобравший у него остаток воды и помчавшийся дальше, обезумев от жажды, к следующему водопою. Но нет; Стрэнг не стал бы задерживаться здесь и смотреть, как он умирает. Стрэнг даже думать о нём не стал бы. Стрэнг сейчас пользуется своим шансом, единственным шансом, и отчаянно рвётся вперед.

Весь день Нортрап безмолвно молился о вечерней прохладе. Теперь ночь приближалась, и он её боялся.

Он чуть повернул голову, чтобы взглянуть на солнце. Он был не столько уверен в том, что солнце заходит, сколько в том, что он в последний раз в жизни смотрит на него. На западе буйствовали краски; солнце уходило в туман, будто поднимающийся из моря крови. Ночь была близко. И с признаками её прихода в нём всё сильнее становилось предчувствие чего-то неведомого, пропитанного ужасом, подкрадывающегося всё ближе.

«Стрэнг мог бы подождать», — подумал он.

Его распухшие губы и сухое, саднящее горло давно уже были не способны на речь. Но он ещё мог сказать себе:

«Я не умру, пока не узнаю, чему... чему принадлежат эти глаза!»

У Сакса Нортрапа было немало упрямства.

Но пока ему не было суждено умереть. И поэтому он не умер. Ему было суждено снова увидеть Стрэнга и столкнуться с вековой тайной пустыни. Поэтому он выжил там, где другой человек погиб бы.

Когда серебряная пустынная луна уже два часа стояла в пурпурном небе, он понял, что потерял сознание и снова пришёл в себя. Но прежде, чем подумать об этом, он подумал о глазах, так долго следивших за ним; прежде, чем увидеть луну, он увидел их. Теперь они были над ним, совсем над ним, меньше чем в ярде.

Он с любопытством смотрел вверх при ночном свете. Света было достаточно, чтобы различать всё ясно, но разум его прояснялся медленно.

Пытаясь разгадать загадку этих двух глаз, вызвать в воображении существо, которому они принадлежат, он ни разу не подумал о женщине. А между тем над ним склонилась именно женщина, хотя его сознанию потребовалось много времени, чтобы понять это наверняка.

Она была стара, немыслимо стара и невероятно уродлива. Она могла бы быть бесплодным божеством бесплодной земли. Она могла бы быть скелетом, у которого кожа на лишённом плоти черепе за сотни лет под солнцем и ветром задубела до самой кожи. Сидя над ним на корточках, она не казалась живым, дышащим существом, пока он не увидел глаза — те же неподвижные, немигающие чёрные сосуды, наполненные чернилами и отражающие луну.

Мгновение было жуткое. Лунный свет вытягивал с пустынной земли причудливые фигуры, наделяя их призрачными очертаниями. Существо, сидевшее над ним на корточках, могло бы быть родней этим, порождаемым луной вокруг.

Нортрап содрогнулся. Рассудок, возвращавшийся к нему сквозь тьму оцепенения, ещё не вполне вступил в свои права. Он знал, что здесь, в этой сухой стране, разложения не бывает. Когда приходит смерть, она бьёт чисто, без тления. Воздух, солнце и ветер, когда им никто не мешает, делают из мёртвого именно такое существо, какое склонялось над ним. Если не придёт какой-нибудь зверь, чтобы разодрать тело, оно может сохраниться на поколения, а то и на века.

Страх приходит во многих обличьях, но никогда не сжимает таким холодом, как тогда, когда ты слышишь шепот сверхъестественного. Потрясённый картинами его собственного воображения, Нортрап снова потерял сознание.

Позже — насколько позже, он не знал, — ему показалось вполне естественным, что кто-то ходит поблизости. Он смутно понимал, что это не может быть Стрэнг, потому что Стрэнг ушёл. Он думал, что это, должно быть, тысячетлетняя старуха, вышедшая из ниоткуда, может быть, верхом на лунном луче; а когда кончит возиться вокруг него, уйдёт обратно тем же путём. Он не пытался повернуть голову и посмотреть на неё, потому что знал: сил у него на это не осталось.

Она подсунула ему под плечи что-то мягкое, даже сумела чуть повернуть его большое тело так, что лежать стало на каплю менее мучительно. И принесла ему воды. Вот уж насмешка над Стрэнгом! Тот неистово нёсся дальше, таща в фляге три-четыре тёплых глотка и думая, что до следующего источника воды ещё многие мили пустыни.

Наступали промежутки, когда Нортрап ничего не осознавал, а потом были короткие отрезки, когда он снова приходил в себя и вместе с сознанием возвращалось любопытство. Но по большей части он существовал на какой-то тусклой границе между сознанием и ступором. Настоящее он принимал как данность, прошлое забывал и о будущем не гадал.

Дни напролёт он лежал на осыпи у подножия порфировых скал, с рваных валунов которых и сорвался вниз. Старуха, двигавшаяся с немощью и медлительностью зимнего солнца, заставляла свои дрожащие руки сооружать укрытие над тем местом, где он лежал.

Над ним была натянута от камня к камню драная домотканая хлопчатая попона, а на ложе и в покрывало ей служила накидка из кроличьих шкур. В грубой олье [грубый кувшин или горшок - примечание переводчика] из обожжённой на солнце глины она приносила ему воду, кормила жидкой мешаниной из кукурузной муки, и с первого же дня ухаживала за ним неусыпно, как пастушья собака. Откуда она брала воду, чем питалась сама, он не знал.

Тишина нарушалась редко. По целым часам она сидела возле него на корточках, закутавшись в одеяло — на плечах, на голове, руки спрятаны в складках, — и смотрела на него своим древним лицом без всякого выражения. Когда же необходимость в речи всё-таки возникала, понимать друг друга им было нетрудно.

Нортрап, много лет общавшийся с людьми её племени, понимал язык индейцев Уолпи, Орайби, Таоса. Когда он назвал её «Со Вути» — по-хопски это означает Старуха или Бабушка, — она поняла. Она же назвала его «Бахана», Белый Человек, и на этом церемония знакомства была завершена.

Долгое время Нортрап, лежа мрачный и тихий, думал, что, борясь за жизнь, он всего лишь отодвигает миг смерти на несколько часов. Среди менее серьёзных повреждений у него имелся перелом левой руки. О том, каковы внутренние повреждения, он мог только гадать.

Будь он в больнице, под присмотром умелого врача и сиделок, надежда ещё оставалась бы. Но здесь, на полусырой пище, которую приносила дикая старуха, на отвратительных отварах, что она варила бог знает из каких растений и корней, на постели из лавового камня — надежды, казалось, почти не было. Он смотрел, как она готовит ему лекарства, как нагревает клейкую жидкость на костре из веток саксаула, а потом отставляет и начинает над ней петь, чтобы сделать лекарство «хорошим», и думал, что смесь будет таким же бальзамом, как ее пение. А пение было ужасным. И всё же он поправился.

И они стали чем-то вроде товарищей, как, вероятно, стали бы почти любые два Божьих создания, если бы в мире остались только они. То, что эта старая карга жила здесь совсем одна, что, по-видимому, была этим довольна и до появления Нортрапа не ждала иного общества, спустя время начало возбуждать в нём любопытство.

Вскоре у него появилось множество вопросов. И за пять месяцев, прошедших прежде, чем он восстановился, — а чтобы попытаться выйти в пустыню, имея при себе лишь столько воды, сколько можно унести, и зная, что до первого водоёма сорок миль, нужно быть уверенным в своих силах, — он многое узнал от Со Вути.

Глава 2

Если бы Со Вути в конце концов не привела его к своему обиталищу, Норттрап никогда не нашёл бы его сам. Подъём был медленным для них обоих: женщину к земле придавливала почти вековая тяжесть лет, а мужчина был ещё так слаб, что малейшее усилие вызывало дрожь во всём исхудавшем теле.

Каморка Со Вути находилась почти у самых вершин утёсов — грубо выдолбленное в скале помещение, к которому вела только крутая тропа снизу. Устроена она была хитро, в глубокой расселине, так что старая женщина могла смотреть оттуда на пустыню, а вот заметить её снизу мог бы лишь очень зоркий глаз.

На полу лежала постель Со Вути — беспорядочная куча домотканых хлопчатых одеял и накидка из кроличьих шкурок. В закопчённом углу валялись несколько обугленных палок и веток; кое-где стояла утварь из обожжённой на солнце глины, по большей части чёрная и потрескавшаяся. Несколько связок вяленого мяса, кучка очищенной кукурузы, горшок с водой и молитвенная палочка у стены возле постели довершали убранство комнаты.

Из «будуара» Со Вути (Норттрап всегда называл его именно так, и Со Вути это название, похоже, понравилось) было легко выбраться на самый верх утёсов по короткой лестнице. А там перед глазами открывалось одно из чудес пустыни, о которых со времен первых испанских конкистадоров, добравшихся сюда, рассказывали тысячи людей и которые бесчисленные художники тщетно пытались запечатлеть на холсте.

На сотню миль во все стороны взгляд скользил по серой пустыне, поднимавшимся холмам и плато; все они были покрыты волшебными пустынными красками: густая синева и мерцающая бронза, белизна дрейфующих песков, серо-зелёные пятна кактусов и кустарника, кирпично-красные скалы. В прозрачном сухом воздухе глаз мгновенно перебегал через безводные пространства, где человек мог встретить медленную смерть.

Здесь, у самого края утёса, Норттрап снова увидел то, чего отчасти ожидал: развалины древней сторожевой башни, грудой лежавшие среди камней. Его воображение принялось рисовать фантастические картины.

Ему представился иссохший, быстрый как кошка часовой, с глазами ястреба и кожей, превращённой солнцем в блестящую медь, — он стоит здесь на страже в давно ушедшем столетии, пока его братья спят; внезапно вскакивает, когда далеко-далеко за волнистым полем песка и редкого кустарника замечает быстрые тени вражеских воинов; складывает ладони рупором у рта, посылая вниз и вдаль предостерегающий крик; поджигает заранее сложенную кучу сухого хвороста, чтобы протрубить тревогу на другом языке — безмолвно и молниеносно. И, словно те времена еще здесь, хотя каменная башня и рассыпалась, Норттрап увидел кучу сухих веток и чёрное пятно дыма у одного ещё стоящего каменного обломка.

Он вернулся вниз, к Со Вути, в размышлениях.

По мере того, как силы понемногу возвращались в его иссохшее тело, он всё нетерпеливее ждал часа, когда осмелится снова выйти на тропу. Но прошёл месяц, и он понимал, что попытка двинуться дальше была бы таким же безумием, как прыжок с утёса вниз головой.

Здесь была вода: Со Вути с трудом добывала её из скрытого источника далеко в глубине великой расселины, в скальной стене. Поверни он назад — в тридцати милях воды было бы не найти, он это знал. Пойди он вперёд — он положился бы на волю случая, следующие сорок миль воды тоже могло не быть. Потому он и ждал, пока к нему вернуться силы.

Медленно, так медленно, что, быть может, сама она этого не замечала, Со Вути стала выходить из своей молчаливости. В своём одиночестве она приобрела странную привязанность к большому белокожему Бахане с жёлтыми волосами и голубыми глазами.

Такого человека она прежде не видела. Сначала он, казалось, внушал ей что-то вроде благоговения, даже лёгкий страх. В первые недели она сидела и наблюдала за ним подозрительно, с сомкнутыми губами и яркими, гадающими глазами.

Но, как говорят предания хопи, женщина — дочь Япы, Пересмешника, а потому, если уж её отец столь великий говорун, долго молчать она не может. Для Со Вути легенды предков были священным писанием.

Так и вышло, что, либо в будуаре старухи, либо на вершинах утёсов они сидели долгие часы под гортанный монотонный говор Со Вути, пока Нортрап курил её табак в своей трубке и слушал. Ему не понадобилось много времени, чтобы понять: старуха наполовину помешалась — сказались и жизнь в одиночестве, и особенности ума, насквозь пропитанного суевериями.

В основном её речи были хитроумной тканью лжи, сплетённой с поразительным правдоподобием. Так, словно пересказывала какой-нибудь пустяк, случившийся днём, она поведала о недавнем визите Харуинг Вути, верховной богини хопи. Богиня, поднявшись из моря, пересекла пустыню быстрее антилопы. Она была так прекрасна, что своей красотой причинила Со Вути боль глазам. Аликсай! Слушай, Бахана! Она мягкая и белая, как девушка, эта Харуинг Вути; волосы у неё жёлтые, как цветок тыквы, желтее даже твоих. Глаза у неё как бирюза, рот красен, как закат сквозь песчаную бурю. Она явилась быстро, едва Со Вути позвала её. Всю ночь богиня сидела там, Со Вути — здесь, и они беседовали.

Со Вути покачала головой, пробормотала что-то и замолчала. Бахане не полагалось слышать, о чём Харуинг Вути и Со Вути говорили ночью.

Почему она живёт здесь одна, она объяснила. Объяснила дважды: один раз в ответ на его вопрос, другой — по собственной охоте. Если бы она пустилась в объяснения в третий раз, Нортрап не сомневался, что получил бы уже не две, а три совершенно разные версии.

В первом её рассказе Нортрап уловил немало следов древних индейских верований. Со Вути запросто говорила о сотворении мира, при котором, хоть всю работу, как она признавала, выполнили Харуинг Вути и Солнце, она сама присутствовала.

Она обратила внимание Нортрапа на то, что место, где находятся он и она, — вершина мира. Следовательно, от обители главной богини оно удалено чрезвычайно далеко. А раз так, богине нужен кто-то, кому можно доверить следить, чтобы здесь всё шло как надо. Поэтому Со Вути, великая любимица Харуинг Вути, и была поставлена здесь. Когда возникала нужда, она разводила сигнальные огни у развалин сторожевой башни, и Харуинг видела их и понимала, в чём дело.

Раз Нортрап не слишком-то верил этому объяснению, у неё появилось и другое: дальше в пустыне, так далеко и за такой безводной полосой, что белый человек мог послать туда только свой жадный взгляд, лежит страна скрытых городов. Эти города построили боги подземного мира, а потом отдали их народу Со Вути.

Городов этих было семь — Семь городов Чебо. (Нортрап улыбнулся, заметив в истории развитие старой легенды, принесённой первыми испанскими исследователями, о Семи городах Сиболы.) Это были очень богатые города: в них было много серебра, много бирюзы и, в последние годы, много золота, из которого делали кольца и браслеты, а у вождей были золотые чаши и блюда.

Чтобы эти города оставались скрыты от жадности белых людей и от зависти других племён, их жители выставили по пустыне дозорных — за сотни миль от себя. Одним из таких дозорных была Со Вути. Ей стоило только поджечь хворост на утёсах — и вожди скрытых городов Чебо поймут сигнал.

Нортрап должен был понять, что боги и богини очень близки к народу Со Вути. Разве не сама Харуинг Вути приходит сюда поболтать с Со Вути, поесть с ней пики [Хлеб из синей кукурузы — пр. пер.]? Так оно и есть.

И, живя здесь одна, Со Вути одновременно служила и своему народу Чебо, и своей верховной богине. Так велел жрец. Пока она жива, она будет продолжать свою стражу здесь. Когда же придёт её час умереть, она разведёт большой огонь, и весть покажет через пустыню, что пора прислать другую на её место. Тогда Харуинг Вути придёт за ней, накинёт на неё свой плащ, и Со Вути снова станет молодой девушкой, будет вечно жить там, где Большая Река прорывает земную кору и уходит в подземный мир, где обитают боги.

Хотя бессвязные рассказы старухи с их бесконечными отступлениями и повторениями вскоре перестали занимать его, Нортрап не наполнил флягу и не двинулся дальше, когда наконец почувствовал, что снова стал сильным как прежде. Полубезумная дикарка она или нет, Со Вути всё же была человеком. И он не мог отречься от долга перед ней. Если бы не она, от него давно осталось бы лишь то, что не доели койоты да птицы с крепким клювом. А теперь, когда сил уже хватало попытаться пересечь пустыню, он не мог не видеть, что Со Вути быстро подходит к концу своей жизни. Для него была невыносимой мысль бессердечно уйти, оставив её умирать в одиночестве.

В те последние дни, что они провели вместе, она много испытующе смотрела на него. Она тоже почувствовала приближение собственной смерти и встречала его ровным, любопытным взглядом. Она не боялась и, кажется, не жалела, что уходит. Она была уверена: сама Харуинг Вути позаботилась о её будущих жизнях. Всё уже было устроено.

Со времени, когда он впервые увидел её глаза-бусы, выглядывавшие на него из трещины в скале, прошло уже больше полугода, и за всё это время она не выдала ни малейшего намёка на наличие у неё каких-либо эмоций. Он не ждал их увидеть и теперь. Слишком долго конец был на горизонте, чтобы сильно волноваться, когда он наконец приблизился.

Потому для него стало лёгким потрясением, когда однажды выяснилось, что Со Вути, в конце концов, вполне человек. Из неподвижно молчащей разрушенной башни она вдруг быстро подошла к нему, и её скрюченная когтистая рука внезапно сомкнулась на его предплечье.

— Ты добрый человек, Бахана, — сказала она, и глаза её глядели на него необычно ярко. — Много дней назад ты уже был готов уйти. Ты ждёшь, чтобы Со Вути не умерла одна, как койот. Асквали! Благодарю тебя. Харуинг Вути пошлёт тебе много хорошего. Я скажу ей.

При всём своём безумии она не была лишена мудрости. В тот вечер она привела своё жилище в порядок; у Нортрапа даже мелькнуло подозрение, что ради такого случая она, пожалуй, зашла настолько далеко, что умылась. Потом, когда на небе зажглись первые звёзды, она дрожащими шагами пошла к вершине утёсов, а Нортрап помог ей взобраться по короткой лестнице.

В этом бледном свете Нортрап увидел, как она уложила волосы, и это поразило его. Она закрутила их в два вихря, по одному у каждого уха, — подражая цветку тыквы, причёске, которая у народа зуни означает, что девушка достигла первого расцвета женственности. Со Вути была готова к приходу Харуинг Вути, к тому часу, когда она снова станет прекрасной — юной девушкой.

Когда наконец большой костёр, который он по её приказу развёл, догорел, Нортрап медленно вернулся в каменную комнату, так долго бывшую жилищем Со Вути, но в которую она уже никогда не вернётся. И, увидев её аккуратно сложенные одеяла, уложенные руками, в которые уже успел вползти холод, увидев разбитые кувшины и горшки, поставленные ровным рядом, он вдруг почувствовал, как его глаза намокли. Со Вути была добра к нему — и вот она умерла. Со Вути ушла, и ему стало одиноко.

В ночной прохладе, имея в проводники только звёзды, с полной флягой он двинулся дальше — в пустыню.

Глава 3

Лишь благодаря великому упрямству, что было у него в крови, и той непреклонной устремлённости, которая успела срастись с этим упрямством, Сакс Норттрап продолжал бороться с пустыней, вместо того чтобы повернуть назад. Ибо за каждый шаг здесь приходилось сражаться, а исход её оставался в руках бесплодных богов юго-западной Сахары.

Он уже вступил в безлюдный край, где, быть может, до него со времён брата Маркоса [францисканский монах, который сыграл важную роль в испанских экспедициях на север от Мексики – пр. пер.] — почти за четыреста лет — не побывало и десятка белых людей. Это была земля, откуда человек мог вынести с собой лишь рассказ о страданиях; земля, где очень часто не находили ничего, кроме страшной смерти. И всё же Норттрап, ища то, что искал, шёл вперёд с широко раскрытыми глазами.

Он понял, что ничего не знает о пустыне, хотя раньше был уверен, что познал её. Наедине с тишиной он начал немного постигать великолепие и могущество Бога.

День за днём, ночь за ночью он видел, как эти энергии обретают зримое воплощение в бескрайнем песчаном просторе, в суровой грандиозности вздыбленных каменных стен. Он ощущал всё это в осколке вечной тишины, пробиваться через который ему приходилось с боем. Он ощущал себя маленькой, одинокой фигурой в странном, суровом мире.

Величие, мощь, возвышенность — он знал: всё это есть в пустыне. Но не в этом была её сущность. Главное её свойство, всегда видимое и не прощающее ошибок, — дикая свирепость. Пустыня не лицемерит; её зубы вечно в оскале — отравленные зубы, рычащие на пришельца и грозящие собственному отпрыску не меньше. Это земля железного клыка.

И пока Норттрап продолжал свой тяжелый путь, он оставался в самом сердце другой битвы, столь древней, что она тревожила мир во время его юности. Битвы насмерть, без пощады, и абсолютная тишина! Вокруг него не было ни одной твари, которую пустыня не старалась бы убить. И не было на всей этой страшной поверхности ни одного живого существа, которое не стремилось бы убить другого.

Жизнь здесь так и не поднялась выше своей первичной, стихийной фазы. Снова и снова она сводилась к яростному стремлению причинить смерть, чтобы победитель мог жить; жить, чтобы убивать; нести смерть и спастись от смерти.

Всё свирепое потомство, боровшееся за существование ещё в самом чреве своей страшной матери пустыни, было без исключения бронировано и вооружено: пустынный койот — убийца с трусливым сердцем и хитростью безумца; дикая кошка — машина для убийства; серый волк — сплошная холодная сталь, неутомимая, быстрая, беспощадная, дух резни, облечённый в плоть и кровь; гремучая змея — столь же смертоносная, как сама смерть; даже жёсткая растительность, прикованная к земле железными корнями и потому не способная ни броситься на врага, ни бежать от него, оцетинилась тысячью шипов-ножей, рвущих плоть и грызущих кость.

Повсюду Норттрап ощущал эту безмолвную, нескончаемую борьбу, это хищное пожирание живого живым, эту войну самой земли против всего, что она породила. И он начал понимать, что значит для человека войти в эту сцену природной войны.

Как муж и жена в комедии Мольера, которые между собой грызутся, как кошка с собакой, но сразу объединяются против чужака, посмеявшегося вторгнуться в их домашнее царство, так и все эти пустынные твари, казалось, соединяли страшную силу против пришельца в своих владениях — против Баханы, осмелившегося ступить на зыбкие пески. Солнце пытало его, жажда сводила с ума, колючие кактусы рвали ему в кровь руки, ветер сушил, песок слепил, а гремучая змея и ядовитые пауки грозили ему и во сне, и наяву.

По мере того, как тянулись тихие, жаркие дни, он почти начал верить, что попал в подлинную страну колдовства, чёрной магии и чар. Для него это стало владением потустороннего; домом иллюзии; краем, заколдованным и заколдовывающим всякого, кто на него взглянет; единственным местом в мире, где сверхъестественное составляет часть природы.

Он видел, как солнце превращается в чудовищный кровавик, луна — в диск из белого серебра, а сдержанные небеса — взрываются буйством красок: пламенных красных, густых пурпуров, зелени и золота. Глаза говорили ему, что ровную равнину впереди можно перейти за два часа, а он пробивался через неё двое суток; говорили, что горы в пяти милях от него, тогда как ум, наученный опытом, знал: до них все семьдесят.

Он шёл к туманным завесам бледного и густого розового цвета; они таяли перед ним, отступали, открывая бесплодные места, смягчённые лишь иллюзиями. Он видел то, чего не существовало, — вещи, сотканные из пустоты, словно взмахом волшебной палочки, и парящие на ветру. То, что казалось озером впереди, прохладной водой, тихо шевелимой прохладным ветерком, было ничем, воздушной уловкой. Деревья и горы там, где их не было, перевёрнутые вверх дном, стали для него делом привычным.

Однажды, бережно экономя ту немногую воду, что оставалась у него во фляге, и торопясь к смутной надежде на водопой, он увидел, как в небе быстро собираются тучи — чёрные, налитые дождём. Подхваченные сильным верхним течением, они пронесли над ним. Насытившись влагой и наткнувшись на более холодный поток воздуха, они лопнули, словно огромные водяные мехи, проливая дождь. Он видел, как тот падает косой стеной. Там, наверху, шёл дождь — тяжёлыми крупными каплями. И всё же ни единая капля воды не долетала до него. В сухом воздухе, сквозь который она с шипением неслась вниз, она исчезала, выпитая самим воздухом, как капля влаги впитывается в сухой песчаный берег. В сущности, ничего необычного для этих мест — но всё-таки выглядело это как колдовское наваждение.

Нортрап был человеком, по природе склонным скорее к решительному приложению сил, чем к размышлениям и фантазиям. И всё же здесь, где всякая деятельность, кроме однообразного перенесения одного сапога за другим — по рыхлому песку, по склонам, усеянным лавовым щебнем, вокруг и сквозь купы пустынной растительности, — была ему недоступна, его ум неделями оставался пристанищем странных фантазий.

Он ловил себя на том, что сперва мимоходом, а порой с такой серьёзностью, что сам поражался, спрашивает себя: а не существуют ли на свете сверхъестественные силы, которых человек не понимает? Ему приходило в голову, что именно такая сила вытащила его, Сакса Нортрапа, с проторённых дорог белых людей в эту пустую землю. Что привело его сюда, тогда как люди его круга и склада катили сейчас в автомобилях по гладким дорогам, обедали в уютных кафе, спали на мягких постелях и вообще предавались занятиям, подобающим городским людям? Что же ещё, как не дикая история умирающего индейца в Санта-Фе?

Вещь, которая хватает людей за волосы и тащит в потаённые углы всех сторон света, обыкновенно одна, в каком бы обличье она ни являлась, — золото. Оно привело сюда и его, и Стрэнга.

Долгие дни между Нортрапом и смертью стояли клочок бумаги и надежда, что бумага не лжёт. До сих пор она, в общем, говорила правду. А если дальше солжёт — что ж, тогда он просто сделает то, что делали в пустыне многие до него: умрёт без воды.

Прежде чем покинуть какой-нибудь водопой, на который ему удавалось наткнуться, он имел обыкновение вынимать бумагу из кармана, задумчиво её изучать, затем поднимать взгляд от неё и смотреть через мрачные просторы — к отвесной стене месы или к чётко очерченным хребтам далёких гор. И всякий раз его нахмуренные глаза возвращались от старой истории песка, лавового камня, ущелий, обрывов и серо-зелёной пустынной растительности к клочку бумаги у него в руке.

Она уже была ему дороже золота, к которому, как он надеялся, должна была привести.

«Потому что, если по какой-нибудь случайности я потеряю её, — не раз признавался он самому себе, — тогда через сорок восемь часов, а то и через двадцать четыре, я буду мёртв».

Странная это была карта, которую Нортрап носил свёрнутой и засунутой в пустую винтовочную гильзу для сохранности. То, что он составил её собственноручно, нисколько не делало её в его глазах непогрешимой.

Индеец, умирая в Санта-Фе, рассказал ему дорогу, которой следует держаться, а Нортрап набросал грубую карту с его слов. И с той минуты, как он сделал первый шаг по длинной тропе, он знал, что довериться ей и, имея только её в проводники, углубиться в тайное сердце земли, где мало воды, — одно из самых безрассудных предприятий за все годы его безрассудной жизни. Но его манило золото.

Когда он, скорчившись у какого-нибудь одинокого водоёма и старался уместить своё большое тело в крохотном клочке тени, глядя на свою грубую карту, Нортрап позволял мыслям вернуться к истории о том, как к нему попали сведения о сокровище.

Он был в Санта-Фе, томясь от короткой вынужденной праздности, беспокойный, нетерпеливый, готовый ухватиться за любую работу. Там он встретил Стрэнга; вернее, Стрэнг встретил его. Нортрап не особенно понравился ему с самого начала. Но людей его породы здесь было мало, найти их было трудно, а у Стрэнга имелась известная вкрадчивая манера и настойчивость почти такая же, как у самого Нортрапа.

К тому же Стрэнг в самом начале этой истории попал в беду, а Нортрап, по своей широкой и щедрой природе, пришёл ему на помощь. Избавиться от человека, которому однажды сделал добро, не так-то просто.

Так или иначе, Нортрап и Стрэнг вместе смотрели карточную игру в бедном салуне, когда индеец впервые вошёл в их историю. Туземец — высокий, тощий, жилистый человек — протолкался почти бегом сквозь кучку людей у дверей к тому месту, где они стояли.

— Сакс Нортрап? — быстро спросил он.

Нортрап ещё не успел ответить, как послышалось лёгкое свистящее жужжание, и маленькая стрела с голубым оперением, очевидно выпущенная снаружи через открытое окно, глубоко вонзилась индейцу в бок. Его глаза, обращённые к тёмному квадрату окна, были ужасны. И Нортрап, быстро склонившись над ним, увидел в них не боль, а только злую, ядовитую ненависть. Стрела была отравлена, и раненый это знал.

В маленькой комнате за салуном индеец рассказал свою историю Нортрапу и Стрэнгу. Последнему — потому что он попросил остаться, а индеец не возразил, и потому что у Нортрапа не было причин для тайны.

В ту же ночь индеец умер. Но прежде он успел рассказать всё. Нортрап, не скрывая недоверия, заметил в глазах Стрэнга жадный интерес. И под конец индеец убедил обоих.

— Смотрите! — выдохнул он, говоря так быстро, как только мог, на языке хопи. — Там есть ещё — такое же!

Он сумел перекатиться на постели, слабо дёргая что-то, привязанное под рубахой к телу. Настоящую работу сделали жадные руки Стрэнга. Там висел маленький мешочек, грубо сшитый из куска оленьей кожи. И в нём лежали два золотых самородка и с полдюжины бирюзовых камней.

— Но почему Вы отдаёте это мне? — спросил Нортрап. — Вы пришли сюда, разыскивая меня. Я Вас не знаю.

— А я Вас знаю, — ответил индеец. — Где трудные дела, я слышу Ваше имя. Где опасные дела, я слышу Ваше имя. Туда должен идти человек вроде Вас. А теперь слушайте: скорее достаньте бумагу и сделайте на ней метки, пока я говорю.

Так Нортрап и составил свою карту.

— До начала тропы ещё много миль, больше двухсот, — сказал индеец. — Вы знаете ущелье Красных Скал? А дальше — Барсучью Лощину и после неё Проход Койота?

— Да, — ответил Нортрап.

— Тогда, Бахана, слушайте. Слушайте в оба уха!

Он быстро описал путь, по которому следовало идти, так, словно заранее продумал в уме каждую мельчайшую деталь пути. От Прохода Койота Нортрапу нужно было держать прямо к восходящему солнцу, туда, где оно поднимается между двумя вершинами Испанских гор, вершинами, известными как Лос-Дос-Эрманос. В перевале была вода. От Прохода Койота до него было не больше десяти миль.

Потом, прежде чем продолжать, индеец привстал, привалившись спиной к стене, и выхватил у Нортрапа карандаш и бумагу.

— Смотрите, — сказал он, делая маленькую отметку. — Вот здесь северная звезда. Вы всегда можете найти в пустыне место Квинаэ Вутаки — Северного Старика? И днём, и ночью, по звёздам?

Нортрап кивнул. Он уже начал ощущать ту серьёзность, которая, казалось, владела индейцем и с ходу заразила Стрэнга. Индеец довольно хмыкнул.

— Вот и всё, — сказал под конец хопи, с той же готовностью, с какой Со Вути спустя месяцы согласилась выйти навстречу Костяному Старiku. — Вы пойдёте, потому что в конце всего этого есть золото, а где есть золото, туда белый человек пойдёт, даже если оно лежит под раскалёнными камнями. И другой Бахана, — добавил он, проницательно заглянув в загоревшиеся глаза Стрэнга, — тоже пойдёт. Вы сделаете две записи, чтобы, если ветер утащит одну, вы не умерли без воды.

— Ну, допустим, мы пойдём, — ответил Нортрап. — Но послушайте, друг мой: мне хочется понять, что за этим стоит. Почему Вам так важно, чтобы кто-нибудь добрался до того, чем вы сами воспользоваться не можете?

Последняя усмешка хопи была полна злобы.

— Потому что я ненавижу Тийо, — и этим исчерпывалось всё его объяснение.

Глава 4

Вопрос «Что ещё за Тийо?» вполне естественно сорвался с губ Нортрапа, когда он впервые услышал это имя. Но с тех пор вопрос этот был давно отодвинут в сторону и почти забыт. Рано или поздно он узнает, кто это, а может, и не узнает вовсе; пока же у него были заботы поважнее.

Несчастье случилось с ним милях в десяти к северо-востоку от места, отмеченного на карте словами: «Каньон — Сосны — Горный хребет». Там его оставил Стрэнг. Там же Со Вути явилась ему сперва как чёрная ведьма, а потом оказалась добрым ангелом.

Когда он двинулся дальше, Нортрап с каждым днём убеждался: местность, раскрывающаяся перед ним, становится всё более зловещей. Воды не было нигде, кроме тех точек, которые на карте отмечали маленькие крестики. Он засыпал и просыпался с мыслью, что если промахнётся мимо одной из этих ямок, если индеец солгал ему, если кочующий песок засыпал источник, — значит, Саксу Нортрапу конец.

И было ещё одно обстоятельство, стократно умножавшее опасность, окружавшую его. Пусть цифры на карте и уверяли, будто между водопоями десять или двадцать пять миль, — всё это всё равно было лишь примерной оценкой: сначала оценкой индейца-бегуна, потом его собственной. Оценкой, где ценой ошибки вполне могла стать жизнь. Нет, пока он шёл вперёд, ломать голову над вопросом «Кто такой Тийо?» необходимости не было.

«В гонке через пустыню со “Стариком-Скелетом” лучше идти налегке!» — вспомнил Нортрап совет. Из пещер Со Вути он вынес воду, кукурузную муку и немного вяленого мяса, которое, по её словам, было кроличьим, хотя тут он сомневался. Впрочем, мясо есть мясо.

Когда ему попадалась лужа в сухом русле ручья или родник, достаточный, чтобы поддерживать под скалами клочок зелени, он отдыхал — иной раз день, а то и два, если впереди ждал особенно тяжёлый переход. Здесь водилась живность: главным образом хлопкохвостые кролики, зайцы и немного птицы. Они были ручные, потому что, несомненно, никогда прежде не видали существа, ходящего на двух ногах, как он, и глядели на него с любопытством.

Всё, что ему было нужно, Нортрап добывал либо своим автоматическим пистолетом, либо просто камнями. Достаточно было закинуть мясо на ветку полынного куста или мескита, и солнце само подвяливало его.

Но бывали дни, когда желудок его пустовал и он подолгу оставался без пищи; бывали и такие часы, когда в фляге не оставалось ни последней драгоценной капли и ему начинало чудиться, что карта наконец-то начала лгать. И всё же он всякий раз шёл дальше; мысль повернуть назад ни разу не пришла ему в голову. Он знал, что Стрэнг ушёл вперёд; Стрэнг, которого он презирал, пусть и не сильно.

Он поочерёдно проходил через места, помеченные у него на карте как «Пещерные Скалы», где он провёл два с половиной дня, с живым интересом исследуя обломки цивилизации, которая, должно быть, была уже на закате своего существования, когда испанцы пришли в Новый Свет. Следующей отметкой стал «Большой Скелет», где, как и предсказывал хопи, Нортрап наткнулся на выбеленные солнцем кости того, кто когда-то, должно быть, был подлинным великаном, — теперь это была груда костей на нависающем валуне, уже не привлекавшая хищников. Потом были «Ядовитые Ключи», где лежали новые скелеты — на этот раз животных, неосторожных и измученных жаждой; «Просевшие Луга», которые когда-то, казалось, могли быть родиной всех бабочек на свете, и где многие всё ещё жили — огромнокрылые, настолько быстрые, что смогли уцелеть в вечной войне, которую вели против них здешние птицы. Там колибри оживляли воздух, а пересмешники рассыпали свои чистые, прохладные трели в раскалённом безмолвии пустыни. Проходил Нортрап и в древние владения скальных

жителей, где видел бесчисленные отверстия, пробитые в отвесах на высоте в сто, в пятьсот футов над каким-нибудь родником, где он разбивал лагерь.

Шли недели, и, всё глубже погружаясь в неведомое, Норттрап начал проникаться верой в своё предприятие, которой у него не было вначале. Тогда он думал: «Я пойду и будь что будет». Теперь же чувствовал: «Я пойду и найду».

Одно уже то, что день за днём он получал всё новые доказательства правдивости хопи, начинало действовать на него как заклинание. Почему же конец этой истории должен оказаться вымыслом? Неужели он с каждым часом и вправду приближается к сокровищнице пустыни?

Через голую, обжигающую пустыню он шёл по следу, ведущему его к тем неиссякаемым источникам, что в старые времена делали эти засушливые земли привлекательными для ног в мокасынах — для индейцев. Порой, в долгие безмолвные дни полного одиночества, ему чудилось, будто далеко справа или слева, вдоль высоких утёсов, он различает остатки древней цивилизации: проложенные человеком тропы в скале, грубо выбитые отверстия, которые вполне могли вести в прохладные покойные жилища.

Но искать здесь случая для разведки было бы слишком рискованно: расстояния обманывали глаз, а гарантий найти воду не было. Да и задерживаться ему не хотелось. Желание найти сокровища уже текло в его венах.

Наконец настал день, когда он ясно и отчётливо увидел на севере цепь утёсов, отмечавшую конец его пути. Теперь он шёл по ночам, потому что луна стояла в полном свете. В ту ночь он продирался через рыхлый песок, который в один миг уходил из-под ног, как вода, а в следующий уже хватал его за щиколотки и тянул назад; Норттрап упрямо пахал его, держа путь на Полярную звезду. В лунном свете пустыня вокруг преображалась мягкой красотой, какой совсем не знала при жёстком дневном свете. Далёкие горы казались нереальными, мистически прекрасными, словно рубежом сказочной страны.

«Что за люди жили здесь и не знали никакой иной жизни?» — снова и снова думал Норттрап. «Были ли их воины так же суровы, как пустыня днём? Были ли девушки такими же дикими, как мужчины, в которых они влюблялись? Или мягкость пустынной луны и нежность пустынных красок всё же проникали им в душу?»

К рассвету с пологого холма он увидел купу деревьев, главным образом мескитовых: они отмечали место, где ему предстояло напиться и отдохнуть. Отсюда, когда спустится прохлада следующего вечера, он двинется дальше — на последний отрезок своего поиска.

В тот день он дремал беспокойно, видя обрывочные сны, от которых то и дело вздрагивал и просыпался. Картины, среди которых он так долго странствовал, уже слишком глубоко запали ему в душу и порождали дикие мысли, ничем не сдерживаемые во сне. К ним примешивались догадки о том, что ждёт впереди.

Всю ночь ему казалось, будто он находится во власти какой-то посторонней силы, необъяснимой для людей, привыкших мыслить лишь материальным. Ему снилось, что древние народы, боровшиеся с пустыней за жизнь, покорившие её и выжившие в ней, не умерли. Что они до сих пор владеют своими горными твердынями. Что он ходит среди них и проживает странные приключения.

Под вечер, слишком уж нетерпеливый, чтобы отдыхать дальше, он поел, напился, наполнил фляги и двинулся к горам. И не успел пройти и мили, а солнце еще не скатилось к концу самого жаркого дня за всё его время в пустыне, как произошло нечто, от чего по его телу прошла дрожь и в сердце захлестнула новая волна изумления.

Перед ним в жаре дрожали волны воздуха над широким простором бесплодного песка. Песок на многие мили во все стороны, белый, рыхлый, какой бывает в наметённых ветром дюнах, как белый песок морского берега, — только безводный. И вот мало-помалу в пустоте раскалённого воздуха начала вырастать картина. Сперва он взглянул на неё почти без интереса: подобные вещи, подумал он, вряд ли могли удивить его после стольких лет жизни на краю

пустыни. Но, сделав ещё шагов десять, он вдруг застыл как вкопанный; сердце его заколотилось, и прежнее чувство сверхъестественного сна овладело им.

Он увидел сцену редкой, безумной красоты — поистине безумной для этого унылого пейзажа скудной растительности, — сотканную из солнечным светом и воздуха, словно картина великого мастера, висящую почти у самой земли и подвешенную на невидимых верёвках. Это был сад футов в сто шириной, полный высоких, пышных, влаголюбивых цветов, каких ему прежде никогда не доводилось видеть.

В самом сердце сада лежал водоём под тенистыми деревьями, ронявшими в него листья, — водоём не природный, а созданный рукой человека. Ибо чаша его несомненно была высечена и выдолблена из белого камня человеком. И вокруг действительно стояли резные столбы и колонны из белого камня. Вода блестела смеющейся синевой, белизна камня сверкала, как снег. Трава и листья переливались изумрудом, и повсюду цвели пурпурные, алые и тёмно-розовые цветы.

Мираж становился всё отчётливее, пока Нортрап, увидев яркого попугая, сорвавшегося с качающейся ветви, точно плывущий по воздуху цветок, переводил дыхание от изумления.

— Боже мой! — резко воскликнул Нортрап. — Неужели я сошёл с ума?

Он знал, к чему приводит мучительная жажда: забвение перенесённых страданий, сладостный бред, такие вот видения, которые глаза принимают за вещественную реальность.

Нортрап проследил за полётом попугая. И тогда глаза его упали на то, чего прежде он не замечал. Глаза обманывали его, впившись в то, во что он не мог поверить.

Из сада была протянута рука — такой мираж был невозможен, если белый путешественник не наткнулся на самый искусный шедевр колдовства — медлительная, грациозная ладонь, обнажённая рука редкостного совершенства. Попугай сел на палец и будто бы подозрительно, ревниво склонил голову в сторону Нортрапа. Так Нортрап увидел руку, а затем плечо и саму девушку.

Она лежала на боку: одна рука вытянута, другая под головой. Он видел волосы, рассыпавшиеся у её лица, видел — или ему лишь казалось, потому что у него уже кружилась голова, — само лицо, губы, сложенные в томную улыбку, видел белое одеяние, перехваченное широким голубым поясом, видел алый цветок у смуглого горла, видел маленькие босые ступни, с которых соскользнули белые мокасины. А потом...

Потом воздух дрогнул, замерцал, помутнел и прояснился, и Сакс Нортрап понял, что смотрит на пустое пространство белого песка, согнанного ветрами пустыни.

Глава 5

В тот вечер с закатом поднялся ветер и яростными порывами понёсся над пустыней. Белые песчаные наносы легли по-новому, свежими узорами. Песок, летевший ровными слоями, хлестал Нортрапа по лицу и рукам, безжалостно жала, словно частицы раскалённого стекла.

Через час ветер стих. Редкая трава кое-где стояла неподвижно. Ещё час стояла душливая жара. Потом внезапно повеяло холодом, и Нортрап пошёл быстрее. На рассвете ему казалось, что горы не дальше, чем в десяти милях и что он доберётся до них задолго до полудня.

Но с восходом солнца поднялся и ветер, снова ударив могучими порывами, а затем перейдя в ровную бурю с севера. Теперь Нортрапу приходилось сражаться за каждый шаг. Ветер вытягивал влагу из его тела, пока кожа не начала казаться ему пылающей.

Как он ни пригибал голову, песок всё равно забирался под поля шляпы, резал лицо, лез за ворот рубахи, проникал повсюду в одежду, набивался в сапоги. Через час после восхода стало невыносимо жарко; солнце было маленьким шаром, казавшимся очень далёким, и всё же тлело густым красным жаром.

Он берёт воду, но снова и снова пересохшее горло заставляло его подносить флягу к губам. Он пытался разглядеть горы впереди и не мог уловить даже самого смутного их очертания.

Летящий песок скрыл бы их, даже будь они перед носом. Песок задушил, задавил, погасил весь мир. Нортрап обвязал лицо платком и бросился на землю. Против этой яростной, бешеной северной бури он не мог продвинуться ни на шаг. Он понимал, насколько безумно мериться с нею силами. Такими темпами он истощил бы себя, выпил бы всю воду за час, а потом кружащийся летящий песок сделал бы своё мрачное дело.

Ему начало казаться, что буря никогда не кончится. Тьма, в которую погрузился день, сгущалась; солнце выглядело страшным и потусторонним, окрасившись в тусклые и красные тона.

До самого вечера песчаная буря мчалась над ним, уносясь к югу с глухим дальним гулом и свистом сухого песка на сухом ветру. Мало-помалу она улеглась, воздух стал чище, и смутное пятно на краю света обозначило горы.

Нортрап поднял флягу. Воды у него оставалось совсем немного, может быть, чашки две. Он пил скупно и, боясь, как бы ветер снова не поднялся и не дул много дней подряд, как это иногда бывало, с трудом двинулся дальше к северу.

Весь тот день он шёл, как призрак, сквозь песчаную мглу. Ветер налетал порывами и снова стихал, а к закату и вовсе улёгся. Тогда воздух прояснился, горы поднялись круче, словно сами выступили ему навстречу. Он выпил последнюю каплю воды и пошёл дальше.

Луна застала его, измученного и покрытого грязью, у устья великого каньона, к которому он так долго пробирался. Он поспешил войти в каньон. Вокруг него повсюду расходились чёрные тени. Но по мере того, как он продвигался вперёд, тени медленно ужимались, потому что луна поднималась всё выше.

По обе стороны от него здесь вздымались стены каньона — отвесные, крутые утёсы. Уже теперь скалы были футов в сто высотой; впереди он видел, что они поднимаются в небо на семьсот, на тысячу футов. Там, где он стоял, ширина каньона была ярдов пятьдесят; немного дальше он расширялся втрое, а потом быстро снова сужался.

Но теперь взгляд Нортрапа был прикован не к каменным стенам, а к дну каньона. Он нуждался в воде, и нуждался отчаянно. Весь день он терпел лишения, а теперь должен был получить её — и скоро. Горло у него болело и горело; язык казался толстым и негнущимся; всё тело молило о воде.

Он верил, что пришёл в тот самый каньон; всё здесь было так, как описал ему хопи: прямо к северу от последнего водоёма и с высочайшей вершиной над ним. Если же в песчаной буре он всё-таки сбился с пути, тем хуже для безрассудного искателя приключений.

Целый час он искал воду и не находил. Жажда мучила его, сводила с ума. Лунный блеск на белой гранитной плите обманул его; спотыкаясь, он бросился к плите и только беззвучно выругался, когда увидел всё ясно.

Он приник к фляге, а потом в внезапном гневе отбросил её прочь. На миг им овладел ужас, и он слепо заметался туда и сюда. Потом, рассердившись на самого себя, он через усилие взял себя в руки.

Он подошёл к плоскому валуну и сел. Отдых был ему нужен почти так же сильно, как и вода. И нужно было совладать с собой.

Круг луны серебрил утёсы над ним. Нортрап обшаривал взглядом всё вокруг, даже вершины скал. Он заметил, как что-то шевельнулось; сперва ему показалось — волк. Волки его не интересовали; ему нужна была вода.

Но взгляд его ещё миг удержался на этом признаке жизни, в сотнях футов над головой. Движущееся существо вышло из пятна тени и остановилось на краю утёса. Это был не волк, а человек — если только лунное наваждение не строило перед ним новый издевательский призрак.

Фигура, подойдя к самому краю, замерла. Нортрап отчётливо увидел человека почти прямо у себя над головой. Он увидел лицо в профиль, резко вычерченное на фоне неба. Это было лицо индейца, быть может хопи, но красивее тех хопи, которых Нортрапу доводилось видеть: нос выдающийся, черты резкие и чёткие. На индейце не было ничего, кроме белой набедренной повязки и ленты вокруг головы. Руки его были простёрты к луне, как в мольбе; всё тело на миг застыло, голова была поднята.

Нортрап попытался крикнуть, но из его измученного горла вырвался лишь сухой шёпот и со свистом ударил ему в собственные уши. Он вскочил, стараясь крикнуть снова. Но фигура наверху исчезла. Человек отступил от края обрыва; луна серебрила камень там, где он только что стоял.

Поспешно Нортрап стал искать дорогу наверх, зная, что должен настичь этого человека, пока тот не ушёл слишком далеко, чтобы его можно было окликнуть. Он мог бы выстрелить, привлекая внимание, — мысль об этом пришла ему только теперь, — но ноги его уже нашли первые грубо выбитые ступени в скале, и он быстро карабкался вверх. Доберётся до верха — и, если человека уже не будет видно, тогда воспользуется пистолетом.

Когда голова Нортрапа медленно поднялась над краем утёса, он вдруг остановился, едва слышно ахнув. Перед ним была широкая площадка у самой пропасти: утёсы круто обрывались вниз, к пустыне, а за ровным пространством вздымались отвесно ещё футов на пятьсот. Сама площадка, футов сто в длину и вдвое меньше в ширину, показалась ему гигантской сценой, приготовленной для какой-нибудь дикой пустынной феерии.

Он увидел не одного человека, а пятьдесят, сто — он не мог определить, сколько именно. Все были похожи на первого: жилистые, в одних ослепительно белых набедренных повязках, с телами, блестящими в лунном свете, как полированная бронза. Они двигались медленной, торжественной процессией, поднимая руки к луне, запрокинув лица, мерно покачиваясь и обходя кругом фигуру, стоявшую над ними на плоском камне. Вдоль стены утёса на дальнем краю площадки Нортрап различил и другие фигуры — в тени, в белых одеяниях, из домотканого хлопка или оленьей кожи, он не был уверен, — фигуры женщин и девушек; их было множество.

До него не доносилось ни звука. Ноги, двигавшиеся в широком круге, были босыми и легко ступали по каменному полу. Он видел раскрытые губы, двигавшиеся в лад, словно из них должен был рваться могучий напев. И всё же не слышал ни единого звука пения. Здесь было так же тихо, как и там, в десяти милях отсюда, среди песков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.